

Дворец Юйсю.

Ань Чжэн вспомнил, что человек, которого он встретил на полпути, был немного напуган, потому что он знал, что даже если он уже прибыл в Сяотяньцзин Ипин, шансов выиграть бой с этим человеком не будет. Чэнь Шаобай и Гу Цянье не знали, что это за человек, которого остановил Ань Ань, но Ань Чжэн был предельно ясен.

Это был один из маршалов Дакси в Святой Земле, и он был самым загадочным. Было много мнений об истории жизни Му Цзяньли. Некоторые говорили, что он был брошенным сыном в маленькой семье, поэтому был неизвестен. Позже, случайно, он получил меч бессмертного императора из мифологии и легенд, поэтому он взлетел в небо. Другие говорили, что он вовсе не был Дакси, а пришел из-за пределов региона и был оценен Святым Императором за его великолепную битву с Восточным Чу.

В период расцвета Ань Чжэна, естественно, он не боялся Му Мули, они с Му Цзяньли сражались 16 раз, и каждый раз побеждали. Если разница между победой и поражением основана на жизни и смерти, то борьба в то время может быть легче. Но соревнование - это всего лишь соревнование, независимо от жизни и смерти, будет много ограничений. Состязание предыдущей жизни также было своего рода высокомерным культиватором с агрессивной силой, поэтому нужно быть более осторожным, чем при попытке.

Восемнадцать лет назад, когда Святой Император наказал четверем маршалам Святой Земли защищать Мавзолей Императора, Ань Чжэн также намеренно расследовал, были ли преступления, данные им Святым Императором, правдой. Император строго запретил это делать. А людям из дивизии Минфа не разрешалось шпионить за чем-либо в императорском мавзолее, что не было понятно до сих пор.

Четыре маршала Святой Земли охраняли четыре стороны юго-востока, северо-запада, и если эти четверо все еще были там, как Чэнь Чонгсу мог повести армию на юг, чтобы поднять восстание.

В городе сидел Маршал Убежища, даже если бы эти маленькие страны съели Медвежье Сердце Леопарда, они бы не осмелились легко совершать преступления.

И пока Ань Чжэн вспоминал об этом, Му постепенно ушел.

Ань Чжэн знал Му Цзяньли, и Му Цзяньли, очевидно, не мог видеть, что Ань Чжэн был изначальным бойцом.

Но самое страшное, что Му Цзяньли мог видеть внешность Ань Чжэна.

Когда он встретил Аньчжэна на улице, он сказал себе, что Аньчжэн очень хорошо слушает, поэтому он был настороже. Му Цзяньли сказал, что у Ань Чжэна их было трое, один **** и один демон... Это было потому, что Ань Чжэн имел облик богов, Чэнь Шаобай имел облик демона, а Гу Цянье был святым.

Ань Чжэн услышал, что когда к нему пришел гость, чтобы поприветствовать его, он немного насторожился.

Когда он увидел Му Цзяньли, то немного удивился. Му Цзяньли тоже был немного удивлен, что встретил большого ученика Дворца Нефритового Императора. Теперь он лидер горячего молодого поколения в городе Цзиньлин. характер.

"Неожиданно".

Му Цзяньли улыбнулся, в его улыбке была доброта: "Неудивительно".

Он произнес шесть слов: "Не удивительно, не удивительно".

Ань Чжэн сжал кулак и наклонился к нему: "Это старший?"

"Меня зовут Му Цзяньли, вы не должны меня знать и не слышали обо мне".

Ань Чжэн покачал головой: "Один из маршалов Святой Земли, как я мог не слышать о нем?"

"Вы находитесь в городе Цзиньлин меньше года, а я исчез на 18 лет. Можете ли вы узнать мое имя, почему?"

спросил Му Цзяньли.

Ань Чжэн ответил: "Если ты хочешь долго жить в Цзиньлине, ты должен больше знать об этом первом городе в мире. Город мертв, а люди живы. Ужасное место этого города - три точки, а людей - семь точек. И на долю четырех маршалов Святой Земли приходится три из семи баллов. "

"О?"

Му Цзяньли был очень заинтересован аргументами Ань Чжэна: "Тогда ты говоришь об оставшихся четырех пунктах?"

"Четыре маршала Святой Земли получили три очка, многие семейные родословные - одно очко, а Его Величество взял третье очко".

Му Цзяньли не мог не рассмеяться: "Вы не правы, ужасные пункты города Цзиньлин делятся на десять пунктов, а у Вашего Величества девять пунктов".

Ань Чжэн сказал: "Возможно, мой предшественник и мое величество разные".

"Ваше величество - это только ваше величество, почему оно отличается?"

"Потому что старший не является маршалом от своего имени, но только четверо из вас заслуживают звания маршала. Поэтому старший все еще является лицом Святого Двора, и он немного более благоговеет перед Его Величеством, чем другие".

"Разве ты не благоговеешь?"

"Я больше благоговею перед Даоцзу".

ответил Ань Чжэн, хитрые люди почувствовали, что он старый лис и стал элитой.

Му Цзяньли улыбнулся и покачал головой: "Ты не выглядишь таким гладким".

Ань Чжэн протянул руку и предложил Му Цзяньли сесть: "Ваше Величество спросило меня, я ответил так же, откуда такая гладкость".

Му постепенно покинул семью Гао, не присев, а войдя во дворец Юйсю, сел. Ань Чжэн велел

подать чай, и Му Цзяньли был слегка ошеломлен, когда услышал, как Ань Чжэн велел своим подчиненным подать чай. Он не понимал, почему Ань Чжэн использовал слова приглашения для своего подчиненного.

"Похоже, ты здесь гость, да еще и сказал слово своим людям".

сказал Ань Чжэн: "Они уважают меня, как я смею не уважать их?".

Му Цзяньли вдруг, казалось, что-то понял. Сев прямо, он сжал кулаки обеих рук: "Спасибо".

Ань Чжэн не понял: "Почему пожилые люди благодарят вас?"

"Ты напомнил мне о втором слове".

Му Цзяньли посмотрел на руку Ань Чжэна: "Только что на улице у тебя в ладони была сила грома, почему ты ее не выпустишь?".

Ань Чжэн ответил: "Намерение старшего меча слишком ужасно. Я не могу победить тебя, поэтому не могу".

"Просто ищи удары, ты не джентльмен".

"Зная, что ты не можешь победить, но все равно сражаешься, такой джентльмен сильно страдает".

Му Цзяньли выглядел немного разочарованным. Когда он увидел, что молодой человек обладает силой грома, он не мог не подумать о Фан Чжэне. И на этот раз он пришел с поручением Святого Императора Чэнь Унуо, попросив его проверить, не имеет ли Чэнь Люси отношения к Фан Чжэну. Когда он был на улице, Му Цзяньли был почти уверен, что этот молодой человек должен быть как-то связан с Фан Чжэном. Однако после новой встречи он не хотел верить, что человек, настаивающий на столь жестких стереотипах, окажется таким гладким Преемником.

Я думал, что больше всего презирал слова спора. Он был жестким и непреклонным, и единственным благоговением в его сердце было слово справедливости. Подросток передо мной сейчас выглядит более подходящим для выживания, чем Фан Чжэн, но в нем нет и тени Фан Чжэна.

Если бы Ань Чжэн был легко замечен кем-то, то смерть была бы напрасной.

"К сожалению."

Му Цзяньли произнес два слова, казалось, потеряв интерес к разговору.

Он встал, готовый попрощаться, по официальным делам: "Ваше Величество сказали, можно остановиться".

Ань Чжэн кивнул: "Что ваше величество сказали, то и есть".

Лицо Му Цзяньли стало еще более неприглядным. Разочарование в его сердце достигло крайних пределов. Он небрежно поднял руку в знак прощания, а затем отвернулся. Ань Чжэн почувствовал небольшое облегчение, последовал за Му Цзяньли и вышел: "Старший, только что ушел?"

Му Цзяньли не отводил взгляда от его головы: "Когда я встретил его на улице, шанс действительно был исчерпан".

Ань Чжэнсинь не мог дождаться, когда он это сделает, но при этом у него был очень сожалеющий вид. По правде говоря, самая большая перемена в жизни Ань Чжэнсина произошла не только от его собственного восприятия, но и от влияния на него Ду Шоушена и Чэнь Шаобай.

Когда Му Цзяньли подошел к двери, он вдруг замер на месте. Оглянувшись, он одарил Ань Чжэна глубоким взглядом: "На твоём месте я бы не стал говорить то, что только что сказал ваше величество".

"Почему?"

"Потому что ты в трепете, это должен быть Даоцзу".

Му Цзяньли исчез в мгновение ока, как будто его и не было. Ань Чжэн забеспокоился. Что в конце концов имел в виду Му Цзяньли?

Он вернулся во дворец Юйсю, думая в душе, что ему следует пойти в чайный сад на некоторое время, и подождать, пока его тело полностью восстановится и достигнет пика, прежде чем он выйдет. Но те шестьсот человек все еще нуждаются в его тренировках, он может подождать, народ Дакси не может больше ждать. В мире духов-вызывателей становится все больше и больше зверей-вызывателей, и практики могут позаботиться о себе, но люди не могут.

Хань Дакуй уже собирался возвращаться, но тут к Аньчжэну подошел Хань Дакуй: "Я уже запомнил призрачные символы, которые ты заставил меня запомнить, меньше чем за десять дней! Я не боюсь смерти, я боюсь одобрения?"

Он протянул книгу в руке Ань Чжэну: "Подойди и проверь!"

Ань Чжэн покачал головой: "Поверь тебе, ты сказал, что помнишь, значит, помнишь".

Хань Дакуй был ошеломлен на некоторое время: "Ты... доверяешь мне, что ты имеешь в виду? Разве ты не смотришь на нас свысока?"

Ань Чжэн сказал с улыбкой: "Я сказал, что могу доверять тебе, потому что ты квалифицированный солдат. Если солдаты могут лгать в этом отношении, то в этом нет никакой заслуги. Я знаю все о вашем прошлом, поэтому я могу доверять вам, зная, что вы человек слова и веры. Более того, пусть вы помните, что это не для меня, а для себя. Помни об этих чудовищах, и ты можешь умереть, но не помни, ты обязательно умрешь. "

Хань Дакуй почесал свои волосы: "Ты неплох, тогда я спрошу тебя, когда мы отправимся на битву?"

Ань Чжэн сказал: "Когда сочтешь возможным".

Хань Дакуй открыл рот и сказал: "Уже можно".

Ань Чжэн указал на тех, кто все еще одобряет вдалеке: "Ты сможешь, а они? Я намерен сделать тебя генералом и взять их с собой на битву с вызванным зверем".

Хань Дакуй замер: "Так... время еще не пришло. Я приду к тебе позже".

Пока он шел, он бормотал про себя: "Его бабушка, этот человек, кажется, имеет очень разумную манеру говорить."

Когда он раздражает, он действительно **** и раздражает. Человек, которому больше всего надоели рассуждения, поэтому он не чувствует себя таким отвратительным. "

Ань Чжэн улыбнулся и покачал головой. Эти шестьсот человек были началом, началом контратаки против монстра. Он сделает все возможное, чтобы обучить эти шестьсот человек, дать им понять монстров, позволить им создать личные чудеса, которые намного уступают монстрам, но могут убить монстров благодаря командному бою. Они станут надеждой всех в будущем, и они будут заражать и призывать еще больше людей.

Королевский дворец, Цзиньюань.

Му Цзяньли, как всегда, вошел неторопливыми шагами, с грустным и несчастным лицом, как всегда. Он пошел к семье Чжоу, пошел во дворец Юйсю, сделал то, что должен был сделать, но он не думал, что сделал что-то, просто это было то, что он не любил делать. По его мнению, с ненавистью людей семьи Чжоу и дворца Юйсю нужно бороться до конца. Просто... он не мог высказать эту мысль.

"Подождите за дверью".

раздался голос из дома, и из него вышел Чэнь Унуо с мотыгой: "Ты видел?"

"Ваше Величество, я видел".

"Что-нибудь?"

"Есть".

Чэнь Унуо махнул рукой: "Скажи".

Му Цзяньли разобрал слова и сказал: "Люди из рода Чжоу импульсивны, они не знают, как наступать или отступать. Триста лет назад старший чиновник Сяньцзюэ поднял целый боевой дух, но у него не было боевого духа... так что люди семьи Чжоу, в конце концов, это не забота".

"А что насчет Чэнь Люси?"

"Is....."

Му Цзяньли некоторое время молчал. Хотя Чэнь Унуо спросил его, когда он подбирал слова, когда он был готов ответить, он обнаружил, что у него все еще нет подходящего слова, чтобы описать Чэнь Люси.

"Нелегко сказать? До сих пор не разобрался?"

"Да... нелегко сказать".

Му Цзяньли взглянул на Чэнь Унуо и обнаружил, что Его Величество Святой Император, похоже, очень ценит Чэнь Люси.

Он слишком долго не видел значения ожидания в глазах Святого Императора.

"Он человек, чье величество может использовать и, конечно, будет использовать хорошо, но он не такой человек, как Фан Чжэн".

Ответ Му Цзяньли также был хитрым.

"О."

Неожиданно Чэнь Унуо издал слабый звук. Пропалывая траву, он, казалось, небрежно сказал: "Не возвращайтесь в мавзолей императора. Вы четверо также должны отдохнуть в течение восемнадцати лет. Как только это дело будет завершено, трудности, стоящие перед Дакси, не будут сложными".

Лицо Му Цзяньли слегка изменилось: "Но, оно еще не закончено?"

Чэнь Унуо махнул рукой: "На заключительном этапе пусть этим займутся звездочеты".

Он выпрямился и выпрямился: "Я могу сделать мир процветающим и непобедимым. Звездочеты планировали для меня двести лет, а вы усердно работали для меня восемнадцать лет... Темные тучи на этом большом небе Си, пришло время позвонить и открыть".

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2196191>